

A dark, atmospheric illustration in a painterly style. In the foreground, a man in a dark coat and a fur hat looks down with a somber expression. Behind him, a large, dense crowd of people is depicted, many of whom appear to be zombies or undead, with pale, decaying skin and hollow eyes. The scene is set in a dark, possibly urban environment at night, with some light sources creating a hazy, greenish-blue glow. The overall mood is grim and horror-themed.

ПАВЕЛ БЕЛЯЕВ

Ф О Б О Л О Г И Я
**ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ ПОДНЯЛ
МЁРТВЫХ**

Фобология

Павел Беляев

Человек, который поднял мертвых

«Издательство «Союз писателей»

2023

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-445

Беляев П. Ю.

Человек, который поднял мертвых / П. Ю. Беляев —
«Издательство «Союз писателей», 2023 — (Фобология)

ISBN 978-5-00187-372-3

1873 год. Зима. Небольшой волостной городишко сотрясла серия страшных убийств. Рядом с новым трупом всегда оказывался старый, давно похороненный. Перепуганные люди принялись судачить. Сплетни множились, перепутывались с фантазиями. И вот уже никто в округе не сомневался, что дело тут нечисто – в игру вступил некий тёмный колдун. И он... поднимает мёртвых! Из самого Петербурга приехали уполномоченные лица, чтобы расследовать странное дело. Они не верят ни в колдунов, ни в восставших мертвецов. Но чем дольше они находятся в городе, тем слабее их убеждённость в возможности отыскать рациональное зерно в этом безумии. Что же тут происходит? Кто, как и зачем убивает живых, а давно покинувшим земную юдоль горожанам мешает почивать с миром?

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-00187-372-3

© Беляев П. Ю., 2023
© «Издательство «Союз
писателей», 2023

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Юрьевич Беляев

Человек, который поднял мёртвых

© Беляев П. Ю., текст, 2023

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2023

© ИП Соседко М. В., издание, 2023

1

В год 1873, когда первый снег припорошил распутицу, маленький волостной городишко потрясло загадочное убийство. Все от мала до велика судачили об этом в каждом переулке. Сколько бы полиция и посадники ни пеклись о тайне следствия, ежедневно всплывали всё новые подробности этого загадочного дела. Неоспоримые факты в устах местной гольтыбы перемешивались с выдумками и домыслами, а до базарных пересудов и тихих разговоров в парадной доходили уже в качестве откровенного бреда.

Люди не уставали говорить об этом ни на мгновение. Придя на стрижку в цирюльню, непременно можно было услышать новые леденящие кровь подробности. И со временем в разговорах всё чаще сквозило таинственное и мрачное слово – «колдовство». В умах постепенно вырисовывался ужасающий образ колдуна, способного единым мановением руки поднимать мертвецов из гроба. И чем явственнее и отчётливее становился этот образ, тем вернее тень мрачной необратимости надвигалась на город.

К тому же интерес подогревал тот факт, что со дня на день ожидалось прибытие статского советника Фонвизина из Петербурга, который должен был поставить окончательную точку в этом странном деле. И когда на душном суетном полустанке показалась невысокая фигура в котелке и щегольском сюртуке, поглазеть на неё собралась половина города.

Мужичок казался молчаливым. На круглом бледном лице устало поблёскивали маленькие глазки. Пухлыми ручонками Фонвизин держал небольшой чемоданчик, больше вещей при нём не было. Постепенно до зевак дошло, что прибыл он не один, а в обществе долговязого мрачного типа, который сам довольно сильно напоминал покойника. Под впалыми глазами отчётливо красовались тёмные круги, а высокие острые скулы непостижимым образом переходили в маленькие тонкие уши. Ни дать ни взять упырь.

Не откладывая в долгий ящик, статский советник приступил. Первым делом он посетил местный морг, где его друг совершил осмотр тел убитого князя Бенкендорфа, а также тех, что были найдены вместе с ним. Осмотр длился несколько часов, после чего мрачный тип пригласил Фонвизина в кабинет и накрепко запер дверь.

Статский советник сидел прямо, облокотившись правой рукой о стол. Электрическая лампочка сквозь тонкий абажур бросала на его и без того невыразительное лицо угрюмую тень. Советник нетерпеливо барабанил по столу пальцем и пристально глядел на своего друга – знаменитого патологоанатома Юрского, который вот уже несколько лет преподавал в университете, не переставая при этом практиковать, и не без оснований считал, что знает едва ли не всё в области судебной медицины. До сего дня.

Он, ссутулившись, стоял у окна и сосредоточенно набивал трубку. Потом долго пытался её раскурить. Всё это время Фонвизин терпеливо ждал, не торопя товарища.

В комнате находился третий – местный патологоанатом. Тот самый, который первым производил экспертизу и писал заключение. Тот самый, которому петербургский следователь не поверил ни на грош. Никто бы не поверил. Он сидел в углу на деревянном колченогом стуле, всем своим видом торжествуя над столичными гостями.

– Я не знаю, – наконец развёл руками Юрский и вновь приложился к трубке. – Действительно, всё... абсолютно всё указывает на то, что покойный был разорван этими людьми, вместе с которыми его обнаружили.

– Ну, если два опытных патологоанатома говорят одно и то же, стало быть... – осторожно начал Фонвизин, но Юрский его перебил:

– А вот хрен! Не стало, ничего не стало. Это всё бред, невозможно! – человек, похожий на упыря, с досадой вытряхнул табак в окно и спрятал трубку за пазуху. Заложив руки за спину, он несколько раз прошёлся взад-вперёд, а потом эмоционально всплеснул кистями и чуть присел,

как это обычно бывало, когда Юрский доходил до крайнего изумления. – Я был бы склонен поверить, если бы эти, с позволения сказать, убийцы сами почили хотя бы за сутки до убийства Бенкендорфа. Можно было бы, притянув за уши, списать на какую-нибудь не известную пока болезнь, вроде лепры¹, заставляющую тело гнить ещё при жизни. Но те процессы разложения, которые мы обнаружили у остальных трупов, бесспорно, говорят о том, что умерли они самое меньшее за два месяца до.

– До смерти Бенкендорфа? – на всякий случай уточнил статский советник.

– Ну, разумеется.

– Интересно, – протянул статский советник.

– Не то слово, – задумчиво произнёс Юрский.

– Выходит, – медленно начал Фонвизин, пристально разглядывая ногти, – что графа разорвали покойники.

Юрский хмыкнул и развёл руками.

– Я надеюсь, мне не стоит напоминать тебе, что это невозможно? – с нажимом произнёс статский советник.

Его спутник ответил угрюмым взглядом. А потом вдруг зашипел и хлопнул себя по шее. Проворчав что-то о несносных комарах, он закрыл окно и нервно дёрнул занавески.

Местный фельдшер, недавно перешедший на ставку патологоанатома, молча наблюдал за происходящим. Усталый взгляд переходил с одного сыщика на другого, а кривая улыбка мертвела с каждой минутой. То и дело он поглядывал на часы и за окно.

Фонвизин видел, что он торопится, но отпустить не собирался.

– Но ведь это не единственная странность, сударь мой Прокофий Алексеевич? – ехидно спросил советник, и фельдшер побагровел.

– Я указал о ней в заключении. И если оно дошло до вас не в полном объёме, тут уж найдите другого крайнего.

– Ну, полноте, Прокофий Алексеевич! – всё с той же ноткой ехидства протянул Фонвизин. – Мы ведь вас ни в чём не обвиняем, просто хотим справиться о вашем мнении на этот счёт.

– Моё мнение таково, что повреждения на конечностях трупов-убийц однозначно свидетельствуют о том, что их сделали умышленно для того, чтобы ввести нечто в мягкие ткани. Что впоследствии было поспешно извлечено. Это касается и некоторых повреждений вдоль позвоночника.

– Подтверждаю, – хмыкнул у окна Юрский.

– Стало быть, – медленно проговорил Фонвизин, – кроме того, что графа убила кучка полуразложившихся трупов, кто-то ввёл в их тела нечто твёрдое, а после, вероятно, после убийства, быстро и грубо это извлёк?

Юрский развёл руками.

– Чертовщина. А будет ещё хуже, – хмуро предрёк фельдшер.

Как будто услышав его слова, электрическая лампочка, служившая единственным освещением комнаты, часто замерцала, а потом и вовсе погасла. На какое-то время воцарилась полная тишина, потом раздался хлопок и голос Юрского, отборно костерившего местных комаров и электриков.

Статский советник велел всем оставаться на своих местах, а сам покинул смотровую комнату, чтобы разобраться во внезапном отключении света и узнать, долго ли ещё оно может продлиться. Освещая себе путь спичкой, он спустился в узкий, заваленный всяческим хламом подвал. Там у небольшого керосинового генератора шумно возился косматый, похожий на домового мужичонка. Увидев Фонвизина, он очень обрадовался и попросил посветить.

¹ Проказа.

– В чём дело? – поинтересовался статский советник.

– Обмотку в катушке закоротило, разрыв где-то, – старческим голосом посетовал электрик. – Как не вспыхнуло ещё.

Он принялся вертеть перед глазами широкое металлическое кольцо, обмотанное медной проволокой.

Толстые пальцы невероятно ловко бегали по обмотке в надежде отыскать разрыв.

– Как долго это продлится? – вновь спросил статский советник.

– Да шут его знает, – рассеянно отвечал «домовой». – Может, ночь, может, пару суток... А может, раз-два – и готову. Электрика – дело такое: тут никогда заранее не знаешь, сколь провозишься. А вы, ваше благородие, часом, не столичный сыщик, не дале как с утряне прибывший?

– Он самый.

– О, в таком случае благодарю покорно за помощь. Ступайте, у вас, наверное, забот невпроворот...

– Это ты что же, гонишь меня никак? – сказал Фонвизин шутливым тоном.

– Господь с вами! – взмолился мужичок. – А всё же не стойте рядом с генератором...

– Я ему что, не по нраву? – ехидно поинтересовался статский советник.

– Просто, – замялся мужичок, – всем ведь известно, *кого* вы приехали ловить... Мой генератор в жись ещё не ломался, – как бы оправдываясь, развёл руками электрик.

Фонвизин расхохотался и покинул подвал. Весь путь, пока он возвращался к патологоанатомам, крамольная мысль, что «колдун», за коим он приехал охотиться, мог устроить эту поломку в генераторе, не давала статскому советнику спокойно идти. Он хохотал до того, что на глазах навернулись слёзы, а живот начали схватывать боли.

Юрский и Алёхин молчали. Столичный друг Фонвизина продолжал неравную борьбу с комарами, а фельдшер расставлял по комнате зажжённые свечи.

– Что там? – не оглядываясь, поинтересовался Прокофий Алексеевич.

– Генератор, – хмыкнул Фонвизин. – Местный Кулибин обещал быстро поправить. На чём мы остановились?

– Вы пытались осознать, что для оживления трупов некто ввёл им в конечности и спину вдоль позвонка нечто твёрдое, что было извлечено после того, как усопшие завершили своё дело и перестали быть интересными своему повелителю.

Фонвизин крикнул и сел за стол лицом к фельдшеру. Правой рукой он облокотился о столешницу, а левой принялся вертеть чеканный серебряный портсигар. Дверь тихо скрипнула, и в кабинете появился низкий сутулый сержант. Он оглядел присутствующих щенячьим взглядом и, вытянувшись ремнём, затараторил:

– Господин Фонвизин, приказано доложить, что обнаружены ещё трупы. Тоже, – сержант на миг замялся, – убитые другими трупами.

Фонвизин и Юрский переглянулись. Алёхин торжествовал.

2

Покровск был маленьким городом. Здесь все жили у всех на виду, каждый про каждого знал если не всё, то большую часть. С самого утра у подъездов и парадных собирались бабушки всех мастей и покроев, обсуждали последние новости, давали оценки знакомым барышням и кавалерам, а иной раз любили прихвастнуть амурными похождениями. Особенно недавними. Срамили на все лады нерасторопную прислугу, поминали молодость и со скупой слезой вздыхали: «А вот в наше время...» В их время всё было лучше: привратники не хамили, одевались всегда с иголочки и, разумеется, глупили, встретив ослепительных красавиц, которые сорок лет спустя вспоминали всё это у парадных. А уж молодёжь была куда как учтивее и, не в пример нынешней, чтילה старость.

После полудня просыпалась она молодёжь. Сонно собиралась в стайки после вчерашней попойки, решала, куда отправиться этим вечером, и расходилась по своим делам. Дела были примерно одинаковы: они скучали, от нечего делать волочились за красотками и лезли вон из кожи, чтобы нарваться на дуэль.

Люди среднего возраста смотрели на них благосклонно. Они ещё не успели позабыть собственную молодость и как точно так же умирали от скуки. Да и сейчас мужчины были бы не прочь тряхнуть стариной, но ревностно блюли перед дамами солидность, которая с годами приобретала всё большую цену.

Про слуг и говорить не стоило. Они не скучали, как городские денди, не блюли собственную значимость и даже не поминали упущенные годы. На всё это попросту не оставалось времени, поскольку, пока господа предавались всем этим занятиям, кто-то должен был их кормить, поить и обстирывать. Сами господа, конечно, этого сделать не могли ввиду чрезвычайной занятости и знатного происхождения.

К вечеру город оживал окончательно. По широким мощёным улочкам в свете фонарей неспешно прогуливались парочки и шумные компании. Обычно те и другие друг друга не переносили на дух. Первым требовалась тишина и уединение, в то время как другим, напротив, не хватало шума и веселья. А так как все прекрасные места Покровска подходили как одним, так и другим, парочки частенько сталкивались с гуляками.

Это происходило под озорные мелодии, льющиеся отовсюду: из богатых домов, салонов, трактиров и кабаре. В мелких ресторанчиках под открытым небом зачастую встречались захмелевшие поэты, вдохновенно читавшие собственные стихи, а чуть дальше, у ночных полустанков, собирались стайки приезжих студентов, по вечерам разгружавших вагоны, чтобы хватило на учёбу и комнату, которую обыкновенно снимали у старой сварливой карги. Несмотря на тяжкий труд, студенты находили время посмеяться, побалагурить да и пошалить временами.

Когда-то с одной из таких стаяк перебивался куском хлеба Константин Ерохин, или в ту бытность просто Ероха. Он начал подрабатывать на вокзалах ещё в студенческую пору, задолго до того, как сослали декана Лазарева, а весь курс расформировали. После этого привокзальные заработки стали практически единственным его занятием. За исключением редких кутежей с бывшими сокурсниками в варьете и дешёвых борделях. Когда Ероха узнал о кончине профессора в сибирских рудниках, окончательно поставил крест на своём образовании. Так поступили многие его однокурсники, даже те, кто поначалу пытался поступить в другие учебные заведения, но недобрая слава Ильи Лазарева бросила тень и на всех его учеников без исключения. А потом Константина отыскал граф Белосельский-Меньшиков и уговорил приехать в Покровск.

Бывший студент размышлял недолго. Кроме душной кладовки с клопами без окон и шумной, вечно пьяной компании, в Петербурге его больше ничего не держало, а перспектива чистых постелей и сытной горячей еды прельщала сильнее остальных посулов. И уже через несколько дней Ероха стал Константином Сергеевичем Ерохиным, щеголяющим доро-

гими нарядами и сорившим деньгами. Вот только в свете он не прижился. Провинциальных богачей воротило от студенческих манер, вытянутого, болезненного цвета лица и странного блеска в глазах. Сам Константин Сергеевич тоже не прилагал особенных усилий, чтобы притереться к сливкам общества. Он редко покидал усадьбу графа, благодаря чему заслужил славу затворника. Злые языки даже болтали, что Константин приходится Белосельскому-Меньшикову внебрачным сыном, страдающим слабоумием. И вот, спустя двадцать лет, совесть таки замучила престарелого графа, и тот из жалости решил приютить ненормального байстрюка². Другие говорили, что так на него подействовала смерть дочери, которая была для графа светом в окне. Кто-то даже называл Ерохина проходимцем, который нагло пользовался горем Белосельского-Меньшикова, чтобы втереться в доверие и заполучить всё баснословное богатство графа.

В общем, с одной стороны, бывший студент слыл персоной нон грата среди обитателей салонов и приличных домов; с другой – его фигура занимала умы многих сплетников и волновала сердца некоторых барышень, которые, как известно, чрезвычайно падки на всё загадочное и запретное.

В тот вечер Ерохин возвращался из цирюльни, по студенческой привычке пешком, засунув руки в карманы. Погода стояла ненастная, и на нём был плотный шерстяной сюртук, из-под воротника которого слегка выбивался шёлковый платок. Котелок был сбит набекрень.

Вокруг поднимались двухэтажные здания, украшенные резьбой. После дождя в холодных лучах фонарей каменная мостовая лоснилась откормленной сукой. По ней отбивали мерную дробь копыта упряжных лошадей, развозивших богатых господ по салонам и ночным варьете. В воздухе витали ни с чем не сравнимые запахи той особенной свежести, которая бывает только после хорошего дождя.

Скучающим взглядом Ерохин наблюдал за праздными гуляниями в открытых ресторанах. С горькой насмешкой следил, как пожилые дамы в ночных чепцах любовно ухаживают за цветами, рассаженными в узких деревянных корытцах, вывешенных прямо за окном.

Невдалеке уныло играл скрипач. Его сонная мелодия пронизывала улицу насквозь. Путалась в густых кронах деревьев, разделяющих улицу как бы на две половины; петляла вокруг высоких кружевных фонарных столбов и через кирпичные печные трубы врывалась под крышу. Скрипка плакала, повергая Константина в ещё большее уныние.

Свернув в переулок Кольцевой, Константин едва не оказался сбитым с ног почтенным господином в дорогом сюртуке. Окинув Ерохина испепеляющим взглядом, незнакомец быстро пробежал накрахмаленным платком по взопревшему лицу и булькающим голосом произнёс: «Осторожней надо!» Константин не счёл нужным ответить и, презрительно фыркнув, отправился своей дорогой. Через некоторое время его внимание привлёк загадочный человек в сером камзоле, поверх которого нараспашку была наброшена крылатка. Во взгляде и на лице незнакомца отчётливо проступала печать тяжёлых испытаний. Тоскливым взглядом он разглядывал переулок и в особенности дом, из которого появился хамоватый господин. И тоска этого человека была так велика, что Ерохин сам невольно начал осматривать широкие оштукатуренные карнизы, слепяще-белые балкончики и багровеющие черепичные крыши, которые, как привет из мрачного средневековья, каменными ящерами нависли над всей этой красотой и великолепием.

Гражданин, так некстати подвернувшийся Ерохину, зажав в руке начищенный до глянцевого блеска цилиндр, важно выхаживал вокруг невысокой кареты с откидным верхом и время от времени доставал карманные часы на цепочке, подозрительно косясь в сторону Ерохина и второго незнакомца.

² Внебрачный сын.

В это время из подъезда показалась привлекательная женщина. Её бальное платье сияло вышивкой и жемчугами. Песцовая шубка, накинутая на плечи, искрилась совсем новеньким мехом. С выражением сдерживаемой злости женщина приготовилась забраться в карету, как вдруг словно натолкнулась на невидимую стену. Широко распахнутые глаза смотрели на человека в крылатке с таким ужасом, словно незнакомка увидела привидение.

Мужчина стоял, не смея шелохнуться. Пристально глядел на неё, вбирая взглядом каждую линию силуэта. Поймав взгляд женщины, он дёрнулся, но вдруг остановился, как будто всё та же незримая стена препятствовала и ему. Так они смотрели друг на друга несколько минут, пока хамоватый господин не окликнул женщину и не начал задавать какие-то вопросы. После короткой перепалки они оба забрались в карету и, отдав извозчику какие-то указания, отправились в путь. Пока экипаж не скрылся из виду, женщина ещё несколько раз украдкой пыталась посмотреть в сторону незнакомца в крылатке. Когда она удалилась, мужчина зажмурился и устало прислонился к дереву.

Константин решил, что довольно глазеть, и в смешанных чувствах отправился своей дорогой. В голове, как заезженная пластинка, вертелась развернувшаяся перед ним картина. Без сомнения, Ерохин оказался невольным свидетелем чьей-то драмы. Его и без того угрюмое настроение оказалось испорчено окончательно. В глубоких раздумьях бывший студент не заметил, как пропустил нужный поворот и оказался в совершенно незнакомой части города. Дома стали попадаться новее, с высокими резными крылечками. Деревья здесь росли гуще и как будто богаче. Случайно в темноте приближавшегося сквера он разглядел две маленькие фигурки. Женщина лет сорока и девушка, видимо, дочь. Женщина стояла, ссутулившись, и время от времени пробегала батистовым платком по бледным щекам. Её фигуру великолепно подчёркивало старенькое бальное платье, некогда блиставшее золотым шитьём и жемчугами, ныне же больше напоминавшее повседневный наряд. Девушка держала её за плечи, иногда порывисто поглаживая, и горячо что-то шептала на ухо матери. Шерстяная пелерина, небрежно наброшенная поверх льняного прогулочного платья, трепетала на ветру. Неприметный капор сбился набекрень, едва-едва удерживаемый узкими тесёмками. У ног стояло несколько саквояжей, пара узлов, картина с изображением усатого господина верхом на гнедом жеребце, дюжина объёмистых ящиков и чучело летящей совы.

Перед женщинами ловко сновали загорелые молодцы в широких брюках и просторных суконных рубахах с закатанными по локти рукавами. Точно черти из преисподней, они появлялись из подъезда с какими-то узлами, стульями и даже книгами в руках, с размаху кидали добро на широкую телегу и снова пропадали во тьме парадной.

Любой добропорядочный гражданин в такой ситуации даже не обратил бы внимания, потуже натянул котелок на глаза и, не сбавляя шага, проследовал дальше. Но нужда слишком рано научила Ерохина, что временами лучше подойти и предложить свою помощь, чем равнодушно отвернуться. Поэтому Константин подошёл к дамам и тихо поинтересовался:

– Сударыни, у вас что-то случилось? Не угодна ли помощь?

Девушка вздрогнула и повернулась. От её покрасневшего взгляда веяло могильной тоской и смирением перед судьбой. От прекрасного личика схлынула вся кровь, сделав его обладательницу похожей на фарфоровую куклу. Незнакомка долго изучала лицо Ерохина, а потом мать зарыдала, и дочь поспешила её утешить.

– Благодарим. Не стоит, – послышался тихий, охрипший от слёз голос. Очевидно, говорила девушка, поскольку женщина не смогла бы внятно произнести и слова.

– И всё же у вас решительно что-то произошло, – не унимался Ерохин. – Может быть, я действительно смогу вам помочь!

– Вы вернёте нам дом? – это был не вопрос – горькая усмешка.

Ерохин на миг замаялся.

– Может быть, – он неопределённо повел плечами и кашлянул в кулак, – во всяком случае, я могу попытаться. А прямо сейчас я бы хотел попросить вас об одной услуге. Это не слишком обременит вас, да и если посмотреть на всё с другой стороны...

– Едва ли мы сможем вам чем-то помочь, молодой человек, – хмыкнула женщина. Она уже справилась с собой и трясущейся рукой стирала с лица остатки слёз. Не оборачиваясь, положила ладонь на плечо дочери и притянула ту к себе. – Нам теперь впору самим просить кого-то об одолжении.

– Маменька! – прошептала девица таким тоном, в котором читалось, что не следовало бы быть настолько откровенной с незнакомцами.

– Да что уж теперь? – махнула рукой женщина и принялась переставлять местами саквояжи.

– Что у вас за просьба? – настороженно произнесла девушка.

– Видите ли, всё дело в том, что сейчас я живу у одного богатого, но невероятно одинокого человека. Совсем недавно он перенёс большое несчастье и очень нуждается в компании. К сожалению, моя работа не позволяет уделять моему другу достаточно времени: я часто отлучаюсь и подолгу пропадаю вне усадьбы. Вот если бы вы согласились погостить у него пару дней... Это вас совершенно не стеснит, он очень приветливый и образованный человек. Граф будет рад гостям. А за это время я попытался бы разузнать что-нибудь о вашем доме.

Девушка долго всматривалась в его лицо, желая распознать подвох. Константин казался непроницаемой скалой. Словно сказочный джинн, он вдруг возник из ниоткуда в самый страшный момент и предложил помощь – как раз то, чего больше всего не хватало сейчас женщинам. Помощь и ночлег. Но именно такое участие больше всего и настораживало прекрасную незнакомку.

Ерохину случалось предлагать свою помощь и даже действительно помогать, но никогда до сего дня он так не настаивал на личном участии. Как и у большинства молодых людей, всему виной была девушка. Именно её нежные черты, тонкие брови вразлёт, огромные серые глаза и необыкновенная бледность разбередили в нём те скрытые струны, которые заставляют идти на самые безумные поступки. Обменявшись с незнакомкой всего парой фраз, он уже решил, что сделает всё, чтобы исправить её проблемы, а заодно хоть на миг продлить знакомство. Он был уверен, что Белосельский-Меньшиков не откажет. Оставалось лишь надеяться, что личного влияния графа хватит, чтобы разобраться с делами юной леди.

– Шутить изволите? – тихо произнесла девушка. Она всё так же пристально глядела на дерзкого незнакомца. Нотки настороженности в голосе упорно боролись с отблесками наивной, почти детской надежды на чудо.

– Нет. Нет, сударыня, как можно? Моё имя – Константин. Константин Ерохин.

Женщина внезапно вздрогнула и повернулась к молодому человеку. Её рассеянный взгляд долго сосредотачивался на Ерохине, а потом мать незнакомки закрыла рот ладонью и во все глаза уставилась на него.

– Костя? – медленно произнесла она. – Вы правда Костя Ерохин? Из Екатеринограда?

Казалось бы, возможное знакомство с дамами должно было дать почву надеждам бывшего студента увезти женщин с собой, но именно оно и выбило самого Ерохина из колеи. Он медленно снял котелок, прижал к груди и поклонился, как бы подтверждая, что женщина не ошибается.

Девушка тоже решительно ничего не понимала. Она с неменьшим интересом взглянула на матушку, а потом снова перевела взгляд на Костю Ерохина. А женщина продолжала:

– Ах, Костя! Я Вера Петровна. Птицына. Помнишь меня? Ну, конечно же, ты меня не помнишь. Мы с мужем как-то были проездом в Екатеринограде и гостили у вас. Как там твоя матушка? Вы теперь живёте в Покровске?

– Да, Вера Петровна, припоминаю, – оправляясь от первого шока, произнёс Ерохин, хотя на самом деле никакой Веры Петровны не помнил, хоть убей. – Матушка неплохо, правда, давно не виделись. А здесь я тоже проездом, как уже говорил, гощу у одного замечательного человека...

– Да-да, – рассеянно кивнула женщина и повернулась в сторону девушки. – А это моя дочь Светлана. Не злись на неё, что была несколько груба с тобой: наше семейство ныне переживает прескверные времена.

Светлана наклонила голову и чуть присела. В глаза Константину она больше не смотрела.

– Не иначе сам Господь послал тебя нам именно сейчас, – продолжала Вера Петровна. – До чего ты добрый молодой человек, если решился предложить свою помощь, свой кров совершенно посторонним людям.

Константин криво улыбнулся и снова чуть заметно поклонился.

– Теперь, я думаю, вы не станете упрямяться и охотней примете мою помощь?

– Да, – кивнула женщина и засуетилась. – Но как же это всё, – она развела руками, указывая на стоявшее на мостовой добро, – дотащить до какого-нибудь ресторана?

– А зачем нам ресторан? – не понял Ерохин. – Вы голодны? Если так, то прошу меня извинить... В данную минуту я нахожусь в несколько стеснённом положении, ибо успел уже просадить всё, что было при мне... Но уверяю вас, у графа отличные повара...

– Ах, оставь! – Вера Петровна с грустной улыбкой махнула на молодого человека и снова пробежала платочком по раскрасневшимся щекам. – Вовсе мы не голодны, и не стоит по этому поводу волновать графа. Если он нас, конечно, примет.

– Ни на минуту в этом не сомневаюсь, – выпалил Ерохин.

– Но разве ты, Костя, не знал, что теперь по вечерам извозчика можно нанять не всякий раз и только в шумных многолюдных местах? По пустынным улочкам теперь ходить опасаются.

– Какой вздор! – возмутился Константин. – Снова эти глупые сказки про оживших мертвецов! Словно бояться больше нечего. Признаться, я не ведал о нонешнем обычае покровских извозчиков. Обычно меня забирает или крепостной Сенька, или сам Игорь – приказчик графа. В извозчиках нет нужды, просто дождитесь меня здесь, и через несколько минут мы вас заберём. Только не отлучайтесь, – шутливо сказал он напоследок и исчез во тьме сквера.

Он отсутствовал время достаточное для того, чтобы женщины успели извести ожиданием и поссориться. Светлана была уверена, что мамёнке не следовало принимать приглашение молодого человека. Даром что когда-то они были знакомы, с тех пор минуло порядочно времени, и прекрасный смыслённый мальчик мог измениться до неузнаваемости. Вплоть до того, что мог оказаться тем самым колдуном, державшим в страхе весь город.

Вера Петровна настаивала, что Костя вырос в приличной добропорядочной семье. И сын таких славных родителей, как Агата и Эраст Ерохины, мог вырасти только приличным образованным молодым человеком. Женщина готова была биться об заклад, что Костя – студент, а возможно, уже работник науки. Она как сейчас помнила его всегдашнее увлечение книгами, в особенности научными публикациями. И посчитав это железным доказательством, женщина привела в пример его болезненный цвет лица и странный блеск в глазах. На Светлану же сей аргумент произвёл обратное впечатление: к интуитивному недоверию к юноше припелись сомнения в его душевном равновесии.

И когда узкая, обитая тёмной тканью карета скрипнула и остановилась у парадной, женщины смотрели друг на друга только искоса и не разговаривали. Вера Петровна и сама была не рада, что приняла помощь Кости, но решила настоять на своём, чтобы поставить дочь на место. А то взяла моду – поперёк слова молвить.

Ерохин заметил перемену в настроении, но решил оставить это на потом. Сейчас главным было увезти дам подальше отсюда, как следует накормить и обогреть. Приказчик Игорь, который сегодня лично выехал в город, чтобы забрать молодого человека, помог ему погрузить

вещи незнакомок. Взираясь на козлы, он раздражённо шепнул на ухо Константину: «От женщин одни неприятности», на что тот расхохотался и велел Игорю поторапливаться.

Помимо скверного характера, приказчик обладал невероятно отталкивающей внешностью, которая, без сомнения, и была виновницей его сварливости, – Игорь с рождения был горбуном. На длинном рябом лице злобным огоньком поблёскивали маленькие глазки. При виде женщин его тонкие губы сжались настолько, что превратились в едва различимую бледную полоску, а на скулах заиграли желваки. Одного его взгляда оказалось достаточно, чтобы дочь Веры Петровны побледнела ещё больше и едва не лишилась чувств.

– Если в этом городе и злобствует колдун, – взволнованно обратилась она к матери, – то это он. Этот страшный человек. Нам не стоит с ним ехать.

– Не мели чепуху, – фыркнула мать, запихивая Светлану в карету. – Люди предлагают тебе помощь, а ты поносишь их на все лады. Стыдись!

За всё время пути до усадьбы графа Ерохину так и не удалось разговорить дам как следует. Вера Петровна бесконечно рылась в небольшой сумочке, а Светлана, приоткрыв плотную шторку, неотрывно следила за дорогой и мрачнела с каждой минутой. Продрогшие пушистые ели и дорожная слякоть, хмурые сумерки и редкий мокрый снег навевали тревогу. Монотонный скрип колёс престранно смешивался с редким лошадиным хрипом, заставляя в памяти оживать давно позабытые страхи. Весь суший мир сосредоточился в маленьком тесном пространстве кареты, а снаружи воплотилось царство ужаса и тьмы. Константин нёс какую-то чушь о здешних местах, но слова растворялись в этом гнетущем полумраке. Нескончаемой вереницей тянулись деревья, деревца и непролазные кусты, которые в таком сумраке казались порождениями ночных кошмаров. Постепенно всё это скрылось в рваном тумане, который залёг в низинах и лениво расползался по округе, словно многорукое чудовище.

Когда они прибыли в усадьбу, Светлана поняла, что задремала. Их неожиданный переезд, спешный сбор вещей и сумасбродное путешествие с незнакомцем – всё это оказалось настолько утомительным, что уставшему разуму требовалась передышка.

Ерохин велел Игорю распорядиться, чтобы вещи внесли в дом, а сам повёл гостей представить Белосельскому-Меньшикову. Граф действительно оказался приветливым хозяином. Это был высокий лысеющий мужчина с густыми бакенбардами цвета весеннего снега. Казалось, он и впрямь обрадован появлению Птицыных.

Граф объяснил, что очень страдал сегодня от того, что придётся ужинать в одиночестве. Несносный Константин не часто баловал его своей компанией, посвящая почти всё время работе, поэтому появление под его крышей двух прехорошеньких особ оказалось куда как кстати. И прямо с дороги женщины попали за стол. Князь расстарался, лично ухаживая за дамами, развлекал их разговором и шутками. Он действительно был очень образованным и остроумным человеком, а от его внимания бледные щёки женщин начинали постепенно розоветь. Князь балагурил, пытался ненавязчиво развлечь гостей, вот только взгляд оставался задумчивым и полным невыразимой грусти, напоминая о недавно приключившемся горе.

Константин действительно не остался на ужин. Он проследил, чтобы все вещи Птицыных отправились по комнатам и вместе с Игорем ушёл. Белосельский-Меньшиков объяснил это тем, что приказчик по личному его распоряжению оказывает некоторую помощь в исследованиях Ерохина.

– Значит, он всё-таки учёный! – воскликнула Вера Петровна.

– Почти, – с улыбкой отвечал граф. – Когда-то он вынужден был оставить учёбу и теперь ведёт некоторые исследования, окончив которые ему будет куда проще пробиться в научное сообщество.

– Я так и знала, – назидательно произнесла Вера Петровна. – Вот так и знала. Костя не мог оказаться не кем иным, как учёным.

После трапезы женщинам показали их комнаты и предложили отдохнуть. Светлане достался просторный малиновый будуар с широкими окнами, выходившими в сад. На стенах висели картины в массивных ореховых рамках и громоздкие золотые подсвечники, изукрашенные витиеватым узором. На окнах висели белые тюли и вишнёвые плюшевые портьеры с тугим ламбрекеном, окаймлённым золотистой бахромой. Напротив тяжёлой резной кровати с пухом тихонько потрескивал камин, над которым располагался маленький золочёный иконостас. Слева от кровати стояла ширма, справа круглый стол с двумя мягкими стульями.

Медленно ступая ватными ногами по глянцевому паркету, дева задула свечи и наскоро сбросила платье. После всех дневных потрясений стусившийся мрак показался ей спасительной колыбелью. И тихонько нырнув под одеяло, Светлана блаженно закрыла глаза. Однако, ещё будучи в карете, девушка перебила сон, а теперь и вовсе – среди незнакомого убранства, в чужой постели сон, который всё это время так настойчиво звал за собой, всё вернее отступал. В голове одна за другой роились самые разные мысли, и постепенно девица осознала, что бодрa почти как днём.

Незнакомые запахи с каждой секундой душили её сильнее, а спасительные перины стали вдруг мокрыми и липкими. Мрак стучался, словно обретая воплощение, он почти физически давил на девичью грудь. Девушка не выдержала. Рывком сдвинула шторы и распахнула окно. Мириадами тончайших иголочек ночная свежесть пробежалась по молодой коже, взлохматила волосы, донесла шёпот листвы и ветра. Девушка забралась на широкий подоконник и, вздохнув полной грудью, взглянула на небо, где частой крупой были рассыпаны светила далёких миров.

Внезапно раздался мерный стук копыт, и через мгновение во тьме сада появилась карета графа. Из неё выбрались Игорь и Константин. Оба представляли собой жалкое зрелище: их плотные шерстяные сюртуки во многих местах были изодраны и покрыты грязью. Даже в ночном полумраке нетрудно было разглядеть, что лица и руки мужчин тоже испачканы, а сами полуночники едва не валились с ног.

«Должно быть, что-то случилось, – подумалось Птицыной. – Возможно, пожар или что-то вроде того». Первым её желанием было окликнуть мужчин тотчас и хорошенько расспросить, но благоразумие подсказало, что этим она может помешать решительным действиям, от которых в эту минуту могла зависеть чья-то жизнь. Поэтому девушка положила себе завтра, елико возможно ненавязчиво, разузнать, что произошло и не угодна ли помощь. Всё же за добро принято платить добром.

Тем временем из дома показался сам граф. Запахнутый в крылатку поверх ночной рубашки, он держал над головой керосиновый фонарь и очень спешил навстречу приказчику. Догнав горбача, он начал что-то очень быстро ему втолковывать, то и дело поглядывая на окна комнаты Светланы.

Заметив, что в её сторону смотрят, девушка нырнула за портьеру и притаилась. Спустя несколько минут вновь раздался стук копыт, а потом всё стихло. И когда Светлана вновь решила выглянуть на улицу, её взору предстал только пустынный ночной сад, облитый мертвецким серебром. Решив, что завтра всё непременно выяснится, девушка закрыла окно и вернулась в постель. Но предательский сон ещё не скоро обратился к ней своим взором. Кошмарные виденья полусна-полуяви до утренних сумерек владели девичьим разумом.

Наутро девушку разбудила симпатичная крестьянка с раскосыми глазами и, пособив с утренним туалетом, пригласила к столу. К тому времени все уже собрались и ожидали только её. Светлана кротко поприветствовала присутствующих и, украдкой взглянув на Ерохина, села подле маменьки. Застольный разговор тёл своей чередой, тихо и размеренно. Ничто в нём не указывало на то, что ночью произошло нечто сверх обычного. Снедаемая любопытством, Светлана рискнула.

– Нынче ночью мне дурно спалось, – ленивым тоном будто ещё не до конца отошедшей от сна барышни проговорила она. – За окном всё слышались чьи-то шаги, а то и вовсе

покот лошадей. Поначалу мне сделалось очень страшно, я рассудила, что, возможно, что-то стряслось... Граф, – прибегнув ко всему своему обаянию, Светлана заглянула прямо в глаза Белосельскому-Меньшикову, – вы оказались так добры к нам. Может, и вам нужна какая-то помощь?

Меньшиков быстро переглянулся с Ерохиным и расплылся в добродушной улыбке.

– Я вынужден принести извинения, мадемуазель, – бархатным голосом произнёс граф, пристально глядя на девушку. – Дело в том, что в этом доме гости редко остаются на ночь, и моя прислуга свыкла, что комнаты того крыла, где поселились вы, совершенно необитаемы. Поэтому они управлялись со своими делами, не таясь и не боясь кого-то разбудить. Ещё раз простите, это совершенно вылетело у меня из головы, сегодня же я сделаю необходимые распоряжения на сей счёт.

– Нет-нет-нет, – вмешалась в разговор Вера Петровна. – Любезный граф, не извольте беспокоиться, – она вдруг начала оправдываться, но Белосельский жестом остановил Птицыну.

– Всё уже решено, и не стоит уделять тому столько времени. В моём доме ничто не должно помешать моим гостям хорошенько отдохнуть.

После этих слов граф ещё раз коротко взглянул на Константина, и Светлане вдруг показалось, что тот моргнул в ответ. С этой минуты в сердце девушки вновь закрались самые скверные предчувствия. Ни на миг не сомневаясь, что видела этой ночью Игоря и Константина, а вовсе никакую не прислугу, причём в таком виде, будто они оба целую ночь рылись в земле, Светлана начала опасаться, что здесь кроется какое-то преступление.

Потеряв на время нить пустого разговора, Светлана поняла вдруг, что матушка уже дрожащим голосом рассказывает графу об их горе. Щёки девушки вспыхнули, но прекословить, как вчера, она не решилась, понимая, что никакого эффекта всё равно не возымеет.

А несчастье четы Птицыных крылось в роковом знакомстве главы семьи с бароном Слуцким. Василий Платонович Птицын – отец Светланы и муж Веры Петровны – познакомился с ним позапрошлым летом и, ещё будучи в Петербурге, завёл со Слуцким дела. По мере того как крепили их отношения, всё острее ставал вопрос о возможном переезде. Около года Птицыны жили в подвешенном состоянии, пока дела не вынудили их переехать в Покровск. И как только это случилось, с семьёй стали приключаться всяческие неприятности. Всё началось с совершенно неожиданной финансовой проверки, которая едва не довела отца семейства до удара. Сразу после её благополучного окончания вдруг ни с того ни с сего в доме, который арендовали Птицыны, случился пожар, в результате которого едва не пострадала Светлана, а многие вещи обратились в негодность, и к тому же пришлось уплачивать большие деньги владельцам дома за причинённый ущерб. Перебравшись в дом поскромнее, с половиной бывшего имущества, Птицыны вздохнули спокойно и какое-то время предавались беззаботным будням покровского мещанина, но ровно до тех пор, пока женская половина не стала замечать, что Василий Платонович мрачнел с каждым днём. О причинах своего настроения он не распространялся до последнего, вероятно, пытаясь в одиночку решить какие-то свои проблемы. В результате открылось, что всего за несколько месяцев он сумел задолжать Слуцкому такие деньги, каких вся семья не видывала за несколько лет. Пытаясь расплатиться с долгами, Птицын обращался во многие банки, желая взять ссуду, но те неизменно отказывали. В поисках недостающей части Птицын неоднократно обращался ко многим богатым господам Покровска и своим знакомым из Петербурга.

Параллельно с этим началось судебное разбирательство со Слуцким, которому немедленно потребовалось взыскать с заёмщика всю сумму целиком.

Вера Петровна с дочерью скоро совсем перестали его видеть – так редко отец появлялся дома. Доходило до того, что они по несколько дней сидели в слепом ожидании, не зная, жив ли он. В конце концов на пороге появился низенький седой мужичок в костюме-тройке с портфельчиком из крокодильей кожи, который предъявил дамам бумажку, где сообщалось, что

Василий Платонович третьего дня скончался от апоплексического удара, а всё их имущество в ближайшие дни будет описано и отправится на торги, где уйдёт с молотка в счёт уплаты долгов.

Мужичок сердечно посочувствовал женщинам, даже всплакнул и заповедовал крепиться, поскольку, по его словам, выходило, что отделались они дёшево.

Выслушав рассказ Веры Петровны, Константин многозначительно посмотрел на Белосельского-Меньшикова. Тот на какое-то время задумался.

– О, нет! – тут же сообразив, что к чему, всполошилась Птицына-старшая. – Я вовсе не для того вам это рассказала, чтобы вы предпринимали какие-то действия! Да и что тут можно уже поделать? Я сама видела бумаги, всё официально. – Вера Петровна подавила слёзы и развела руками.

– Вера Петровна, – осторожно начал Ерохин, – я обещал вам помочь и сделаю всё, что будет в моих силах.

– Всё, что в наших силах, – поддержал хозяин усадьбы. – Ни о чём не беспокойтесь, мы ещё сможем вернуть то, что принадлежит вам по праву.

– Спасибо, – тихо произнесла мать Светланы и всё-таки расплакалась. – Но, право же, не стоит...

После обеда граф поблагодарил дам за компанию и предложил скоротать время в собственном крепостном театре, чьей примой восхищались многие друзья Меньшикова. С благодарностью приняв приглашение, дамы, однако, были весьма удивлены тем, что сам Белосельский-Меньшиков на время спектакля должен будет отлучиться. Пообещав, помимо всего прочего, навести справки касательно их дела, граф откланялся.

Вместо него развлекать гостей остался Константин. Он проводил женщин в зрительный зал и некоторое время занимал разговором, пока актёры подготавливали спектакль. Вера Петровна живо поддерживала беседу, не умолкая ни на секунду. Кажется, в лице молодого человека она наконец нашла благодарного слушателя и теперь вдохновенно рассказывала различные забавные случаи из жизни.

Светлана держалась напряжённой. Из головы всё не выходили события прошлой ночи. На вопросы Ерохина она вновь отвечала рассеянno и порой нескладно, благодаря чему заслужила строгий взгляд матери. И можно было не сомневаться, что, как только мать и дочь окажутся наедине, девушке не избежать серьёзного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.